

Дверь к Солнцестоянию

Владимир Имакаев

Доброе Семя
Киев — 2007

УДК 821.161.1(477)-312.9
ББК 84.4 Укр=Рос 6-44
И50

Имакаев Владимир

Дверь к Солнцестоянию. — Киев: “Доброе Семя”,
ФОП Калайда О. А., 2007. — 264 стр.

Редактор: О. Петраш
Корректор: О. Калайда
Дизайн: В. Имакаев
Верстка: О. Калайда

*Все права закреплены согласно Международного
авторского права.*

ISBN 13: 978-966-8755-17-0 © Издательство ФОП Калайда О. А.

Посвящается очень дорогим для меня людям:
Имне и Лине Когмаревым, и Григорию и Алевтине
Шалишур. Спасибо, ребята! Вы помогли мне не
только открыть мою собственную дверь к
солнцестоянию, но и научили как идти дальше.

Также, хочу сказать спасибо моей жене
Наталке: 'Рядом с тобой я понял, что для любви нет
ни времени ни расстояния!'

Содержание

Пролог.....	7
Глава 1.....	11
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	47
Глава 6	53
Глава 7	59
Глава 8	67
Глава 9	81
Глава 10	91
Глава 11	97
Глава 12	107
Глава 13	123
Глава 14	141
Глава 15	149
Глава 16	165
Глава 17	179
Глава 18	193
Глава 19	207
Глава 20	219
Глава 21	237
Эпилог	245

Пролог

Назарет.

Одиннадцатый час дня по Римскому времяисчислению.

Ярко-оранжевый диск солнца наконец-то слез с трона и медленно пополз к горизонту. Как ни странно, народ оживился, и площади заполнились людьми. Со стороны Галилейского моря потянулись караваны, везущие свежую рыбу, а в ответ городские мастера начали выставлять свои горшки, плуги, низкорослые столики, и прочую утварь, пригодную к обмену или продаже.

Женщины, укутавшись льняными тканями подобно куколке бабочки, загоняли детей в дом и принимались за кухонные работы. Стоять у печи уже было куда терпимей, чем если бы это пришлось делать днем. Уборка, стирка и готовка — все это часть их жизни, которую они видели у своих матерей, и передадут дочерям. И если мужья не успеют вернуться к тому времени, как они закончат бытовую суету, есть возможность поболтать с соседками...

Мужчины же после рабочего дня одевали свои лучшие платья и жилеты, и выходили к стенам города, разговаривая обо всем, что только приходило на память. Обычно ничего нового здесь не происходило, поэтому все разговоры сводились к тому, что римский гнет похуже египетского, и что Ирод, глупец которого Пилат может в любой момент заменить на любого другого царя. Еще говорилось о том, что сборщики податей, вообще обнаглели, мало того, что они предали свой народ, так они еще и наживаются на этом. Один из

почтенных старцев обычно заканчивал такой разговор: «Бог пошлет нам нового пророка, силой не меньше, чем Илия, и вот тогда...».

Он всегда обрывал на этом «и тогда», может, потому, что не хватало фантазии на то, что мог бы сделать кто-то сильнее Илии, или не хватало веры на то, что спустя четыреста лет все же Бог пошлет им пророка. Вспоминался и приход долгожданного Мессии, ну и существующий Иоанн-чудак, проповедующий покаяние у берегов Иордана. Но сегодня был не обычный день.

— Не может этого быть, я помню его еще сопливым мальчишкой...

— Но жена говорила на прошлой неделе с Марией, так та уверена, что ее сын Мессия.

— Иосиф старый глупец, камнями ее побить нужно было, а он уши развесил. От Духа Божьего зачала, тьфу-у!

— А может, неправда то! Слухи слухами, а может, Иешуа и в правду сын Иосифа...

— Да ты, поди, совсем из ума выжил! Он ведь не похож на Иосифа. Вот на Марию похож немного, а на Иосифа ни капельки!

— Но я и расслабленного того помню, которого он сегодня исцелил...

— Да богохульник он! Мало того, что он в прошлом году устроил беспредел... «Лето господнее благоприятное» от него придет. Как же. А сегодня во всеуслышание твердил «Прощаются тебе грехи»! Да кем он себя возомнил!?

— Сыном Бога! Надо было его камнями побить! Камнями!

— Ага! А то ты не видел, как люд ликовал, когда паралитик встал да с постелью в руках домой пошел.

— А вдруг это дружок его?

— Да говорю же вам, знал я того расслабленного.

Пролог

Не раз приходил к нему в дом. Ради чего, спрашивается, ему было полжизни на постели валяться, гадить под себя? Чтобы Иешуа сегодня народ одурачил? Не верится!

— Ладно! Ладно! Хорошо, допустим, что он его исцелил! Поговаривают, что он и в других местах чудесов наделал! Ну, есть у него какая-то сила. Допустим, он пророк! Но ведь не сын Бога!

— Ой, не знаю, старейшины, что и думать! Пока он из города не уйдет, тихо тут не будет.

— А может, прогоним его, чтобы народ не возмущал.

— Прогонишь его, как же! За ним такая толпа ходит... кабы нас не прогнали... Люди — они-то как бараны, видят чего диковинное — и все! Или Илия воскрес, и Мессия пришел? Сколько за последние пять лет Мессий было? Восемь или девять? И за всеми народ толпился, чудес ждал... Лучше подождать, само утрясется. Не хватало еще перебить друг друга, от этого римлянам только выгода.

Старейшины закивали головами, соглашаясь с товарищем.

Легкий гул, нарастая волной, шумом докатился до мужчин, сидящих у ворот.

— Что там опять?!

Старейшины все, как один, встали и пошли на звук людского гама.

— Опять Иешуа! — недовольно буркнул один из них.

Маленький пожилой старичок с хитрыми глазами обернулся и уставился на одного из старейшин. На лице старика отражалось волнение и несказанная радость.

— Вы сказали Иешуа?! — слова старика звучали до необыкновенного смешно. Какой-то престранный акцент. Да и одежда была просто

“Дверь к Солнцестоянию”, В. Имакаев

смешной! Из-под полов ситцевого балахона в полосу, причем невероятных цветов, торчали две трубкообразные штанины, какой-то плотной синей материи. На ногах же старичка были кожаные сандалии, вот только вместо пробкового основания был невообразимо черный материал, с виду ужасно прочный, хотя местами уже истоптанный.

Старик закусил ноготь большого пальца, затем потрел себя за седеющую бородку, и принялся расчесывать волосы руками.

— Боже мой, какое счастье! — бормотал он все тем же смешным акцентом.

Старик опустил дрожащую руку в разрез на балахоне и извлек оттуда маленький прямоугольный предмет с черным стеклышком по середине. Прижав прямоугольник пальцем, стеклышко дрогнуло и засветилось, передавая в уменьшенном виде все происходящее.

Иешуа, стоящий у сборщика подати, оказался в маленьком прямоугольнике.

Еще одно нажатие — и серебристая коробочка вспыхнула ярким светом...

Черное стеклышко на мгновение погасло, а потом засветилось снова. Ослепительно яркий силуэт, а вокруг темнота. Если бы старейшина, видевший это, знал, что такое засвеченный кадр, он бы наверняка почувствовал старику, но бедолага, ставший свидетелем сего страшного действия, кинулся прочь из толпы. Он бежал сквозь темнеющие улицы, стараясь забыть увиденное, ведь не каждый день можешь встретить похитителя душ с такой страшной серебристой коробочкой...

Глава 1

Нет, я не понимаю, на что мне жаловаться? Хотя лежу и хочется на что-то пожаловаться, или по крайней мере повозмущаться.

События последней недели. Отпуск мне дали летом, и не потому, что я хожу в любимчиках у нашей кикиморы Татьяны Павловны, хотя кикимора — это мягко сказано. Ну как вы назовете сорокалетнюю женщину с «гулькой» на голове, которую она, кажется, с детства не развязывала, гардероб которой состоял из одной только военной формы, да еще в армии отходила строевым шагом лет десять. Конечно же, я ничего не имею против женщины-прапорщика, но все-таки, что ей делать в нашем УГРО? Армия, как мне кажется, было лучшее для нее место. Ясно дело, что я молодой и неопытный «сопляк», который после Одесской школы милиции чудом попал в младшие инспектора райотдела Киевской области, но вы меня простите, как можно писать записку в десять слов и при этом допустить двадцать ошибок... Муж от нее сбежал, когда ей было еще тридцать, а заводить романчики, кажется, не в ее духе. Ну, нету у нее по уставу такого пункта, как говорить вежливо, красить ногти, чистить зубы, наконец. Очки купила себе такие, что гневный взгляд виден за десятков километров...

Короче, в отпуск я попал только потому, что в наше отделение приехала проверка. Чем я ей так не угодил? А ведь я только начал дело, которое могло бы мне дать повышение... Может быть, поэтому?

Катька, коза, к родителям в Крым смылась! Нет, ну чем у нас не Крым? Да, нет у нас Черного моря, но зато озеро есть, и, между прочим, тоже почти черное. Нужно будет еще раз десять подумать, прежде чем ей предложение делать. Ну почему не сказать: «Алекс...»

Хотя я ужасно ненавижу когда меня называют Алекс, это как-то по сериальному, американизировано... Шурик, Саша, Александр, да мало ли каких вариаций, а вот нет же, все уперто меня зовут Алекс, даже Кики-мора. Ладно!

О чем это я? Ах, ну да, сказала бы Катька: «Алекс, дорогой, поехали со мной в Крым», нет же, папе придется долго объяснять, кто я такой и чем занят, а так как папаня главный таксист в городе и ментов на дух не переваривает, объяснения заведомо ничего хорошего не обещали. Ну, какая ему разница, мент я или не мент, я ж не гаишник в конце то концов. Хотя на украинский лад даишник — производное от слова «Дай!». Честная страна! Чистая Страна! Эх, или самому свалить куда за бугор?

Нет, ну обидно же, сейчас валялся бы на песке, под шум Черного моря и назойливого «горячие пирожки, пахлава, пиво, рыба», щелкал бы семечки или ел эскимо. А тут приходится сидеть в этой дыре...

Ремонт что ли сделать? После смерти матери все никак руки не дойдут перекрасить то, что с ней красили, и обои менять, те что с ней клеили...

Женюсь на Катьке, а потом вместе ремонт делаем! Расскажу ее папику, как одному нашему таксисту помог новенький «ОРЕЛ» разыскать, так меня теперь этот таксист как видит, сразу останавливается, в окне счастливая морда и: «Александр Сергеевич, может подвезти?.. вам 50% скидка!» Ой, не для меня такси, не для моей зарплаты, хотя как-то все же опаздывал на день рождения к одному товарищу из следственного отдела, ну и подъехал на такси. Сразу же «О, Пушкин, и на такси!» «Пушкин, ты что? Наши люди в булочную на такси не ездят!» «Пушкин, Пушкин, ты никак в разведку подался...» Все, завязал я с такси! Либо на ментовском бобике, либо пешком.

Ну почему у меня папа был Серегой? Все равно я его не помню, бросил нас с матерью и укуралесил куда-

Глава 1

то в столицу. Был бы он Кузьмой, и то куда лучше! Фамилия у меня Гак, но что поделаешь, если имя-отчество такое дурацкое, что кроме как Пушкина у людей на память никто не приходит... хотя и мне на память другое не приходит... Так что даже бухгалтерша, и та мой конверт с зарплатой подписывает «Пушкину». А сколько шуточек натерпелся я... «Кто виноват, Пушкин?» «И кто это будет делать за тебя, Пушкин?» Ой, бедный писатель, не повезло ему... Да и мне около него... Так что зовут меня получается Алекс Пушкин. Застрелиться, что ли? Или пойти Дантеса поискать?

В дверь позвонили!

Странно, неужели Катька ехать передумала? Хотя нет, по идее, она уже должна в Симферополе быть. Расставшись с мятым одеялом и скомканной простыней, я нашарил рукой на полу мятые шорты, и принялся искать майку.

В дверь позвонили еще раз, но более требовательно.

Это только в американских боевиках зашуганные копы даже в туалет с пистолетом ходят, а я, плюнув даже на поиски майки, побрел к дверям.

Третий звонок, длинный и нудный, просто вывел меня из себя!

— Да кого там принесло с утра пораньше?

— Вам телеграмма! — слышалось из-за дверей.

Телеграмма? От кого? От Катьки, что удачно доехала? От Кикиморы, но та обычно бабке-соседке звонит и вызывает меня на переговоры. Главное, у бабки всегда лицо выполненного долга, когда меня к телефону зовет: «Александр Сергеевич, вас начальство спрашивает» Ну надо же, разве может у старой перечницы восьмидесяти лет быть столько патриотизма? Может, она секретарем у Сталина работала? Не

знаю, но готова и в полночь меня с постели достать — и всегда рада. Может она тайный работник Кикиморы... Справившись с нехитрым, но часто заедающим замком, я открыл двери.

Боже мой, ну почему мне не везет на женщин! Или... Хотя лучше не стоит. Вдруг почтальон умеет читать мысли! Ну, она явно подходила под обе категории, только не та комбинация, что «умная и красивая»...

— Вы Александр Сергеевич?

— Допустим я!

— Давайте, без допустим, — добавила б она еще «здесь вопросы задаю я», принял бы ее за младшую сестру Кикиморы.

— Да, это я Александр Сергеевич Гак, он же Пушкин, он же Алекс... Паспорт показать?

— Распишитесь тут, — явно не понимая моей шутки, почтальон сунула мне под нос общую тетрадь с ручкой, где в одной строке с моим именем уже красовался маленький крестик.

— А где именно? — продолжал я валять дурака.

— Там, где крестик — почтальон навела его жирнее.

Я оставил витиеватую закорючку и почтенным видом отдал тетрадь обратно. Телеграмма словно вынырнула у нее из сумки и оказалась у меня в руках.

Уже закрывая дверь, я услышал откуда-то с лестничной площадки, приглушенное «придунок».

М-да, ну и как не быть после этого однолюбом? Была Маринка у меня, мы дружили почти 8 лет. А она меня из армии не дождалась. Год больной ходил. А потом встретил Катьку. Честно говоря, я даже фотки Маринкины выкинул, так похожи они. Как сестры, да и склад ума почти такой же, правда Катюха лучше. Нет, за Катьку буду держаться! Эта не сбежит от меня! Ведь не к Маринке потом возвращаться...

Глава 1

Я упал обратно на сырую постель, и принялся вращать в руке склеенный по краям листок типографской бумаги. Хочу ли я прочитать, что там? Или сразу выкинуть в корзину?

Ну уж нет, хоть какая-то интрига появилась! А может, поставить на столе и весь отпуск не открывать, ходить и думать, сражаться со своим любопытством? Сильно скучно, не смогу я справиться с любопытством, лучше уж на работу сходить, чем сидеть в своей двухкомнатной норе.

«Дядя пропал тчк Приезжай срочно вскл»

Вот тебе и отпуск. Дядю своего я видел всего раз десять. Последний раз это было на похоронах матери, шесть лет назад. Он профессором был в каком-то киевском институте, потом ушел на вольные хлеба. На мой взгляд, он изобретал только что-то бесполезное и ненужное. Ремонтировал всякие заграничные штучки. Как по мне, сбрендил старик на старости лет и уехал жить отшельником в село. Может, и теперь куда в лес подался жить, а тут шумиху подняли такую. Нет у него ни жены, ни детей, ни братьев, ни сестер... Только я один. Вот, значит, поэтому мне и написали.

В голове вдруг мелькнула мысль о наследстве, которое досталось мне в виде дядиного дома, но я тут же этой мысли устыдился. Ведь дело даже не в домах и богатствах, нет у дяди больше родных... как и у меня, в принципе, тоже. Никогда дядя не отказывался от нас с матерью, пусть и время-то не уделял, но зато и не забывал. Должен я — не от того даже, что делать нечего, и не от наследства большого — в село ехать, а потому что он все, что у меня осталось!